

Франц Кафка

Голодарь

*Часть сборника
Превращение (сборник)*

Франц Кафка

Голодарь

«ЭКСМО»

1922

Кафка Ф.

Голодарь / Ф. Кафка — «Эксмо», 1922

ISBN 978-5-457-97421-0

«В последние десятилетия интерес к голодарному искусству явно пошел на спад. Если в прежние времена устройство таких представлений могло приносить немалый куш, то теперь-то резона в том нет никакого. Другие времена. Тогда, бывало, весь город галдел о нем, голодаре, ото дня ко дню валило все больше публики; каждому хотелось взглянуть на него хоть раз в сутки; под конец завели для желающих абонементы, чтобы те могли с утра до вечера просиживать перед небольшой решетчатой клеткой. Даже по ночам проводились экскурсии – при свете факелов для пущего эффекта; в ясные дни клетку выносили на воздух, и тут уж приводили детей полюбоваться; для взрослых то была просто вошедшая в моду забава, а дети глазели, раскрыв рот, во все глазелки, держась из боязни за руки, глазели на то, как он, бледный, в черном трико, с выпирающими ребрами, сидит, пренебрегая креслом, на соломенной россыпи, вежливо кланяясь, сиюсь отвечать на вопросы, протягивая сквозь решетку руки, чтобы любой мог удостовериться в его худобе. Потом он снова уходил в себя, ни на кого больше не обращал внимания, даже на бой часов, единственный предмет в его клетке, а только смотрел с полужакрытыми глазами перед собой, пригубливая воду из крошечного стаканчика, чтобы смочить себе губы...»

ISBN 978-5-457-97421-0

© Кафка Ф., 1922

© Эксмо, 1922

Франц Кафка

Голодарь

© Ю. Архипов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В последние десятилетия интерес к голодарному искусству явно пошел на спад. Если в прежние времена устройство таких представлений могло приносить немалый куш, то теперь-то резона в том нет никакого. Другие времена. Тогда, бывало, весь город галдел о нем, голодаре, ото дня ко дню валило все больше публики; каждому хотелось взглянуть на него хоть раз в сутки; под конец завели для желающих абонементы, чтобы те могли с утра до вечера просиживать перед небольшой решетчатой клеткой. Даже по ночам проводились экскурсии – при свете факелов для пущего эффекта; в ясные дни клетку выносили на воздух, и тут уж приводили детей полюбоваться; для взрослых то была просто вошедшая в моду забава, а дети глазели, раскрыв рот, во все глазелки, держась из боязни за руки, глазели на то, как он, бледный, в черном трико, с выпирающими ребрами, сидит, пренебрегая креслом, на соломенной россыпи, вежливо кланяясь, сиюсь отвечать на вопросы, протягивая сквозь решетку руки, чтобы любой мог удостовериться в его худобе. Потом он снова уходил в себя, ни на кого больше не обращал внимания, даже на бой часов, единственный предмет в его клетке, а только смотрел с полузакрытыми глазами перед собой, пригубливая воду из крошечного стаканчика, чтобы смочить себе губы.

Помимо случайных зрителей, сменявших друг друга, были и постоянные дозаторы, выбранные публикой; почему-то состояли они по большей части из мясников, которые, всегда по трое, следили за тем, чтобы голодарь не съел чего-нибудь украдкой. Но то была простая формальность для успокоения масс, ибо посвященные ничуть не сомневались, что голодарь ни при каких обстоятельствах не возьмет в рот ни крошки, даже если его начнут к тому принуждать насильно: честь художника не допустит. Конечно, не всякий дозирующий готов был это понять; бывали и весьма нерадивые сторожа, пускавшие ради послаблений на разные хитрости: усаживались, к примеру, в дальнем углу и резались себе в карты, так что голодарь вполне мог улучшить момент и воспользоваться каким-нибудь тайным припасом, в наличии которого они не сомневались. Эти-то мнимые раззявы и были его главные мучители; они навевали уныние, растревляли душу; иной раз он, преодолевая слабость, пел для них, сколько хватало сил, чтобы только показать караульщикам, сколь неосновательны их подозрения. Но и это не помогало; они тогда лишь дивились тому, что этот ловкач ухитряется жевать и во время пения. Куда больше ему нравились сторожа другие, те, что усаживались как можно ближе к его клетке и, не довольствуясь тусклым освещением зала в ночное время, наводили на него свои карманные фонарики, которыми их снабдил импресарио. Резкий свет не мешал ему; спать-то он все равно не мог, а предаваться легкому забытию умел при любом освещении и в любое время, даже в переполненном шумном зале. Вот с такими надсмотрщиками он был рад не смыкать глаз во всю ночь, любил шутить с ними, рассказывать всякие были и небылицы о своих странствиях, а потом выслушивать в свой черед их рассказы – и все это только для того, чтобы они не заснули, чтобы убедились: нет у него тут съестного, а голодает он так, как им было бы не по силам. Но по-настоящему счастлив он бывал, когда наконец наступало утро и им приносили за его счет обильнейший завтрак, на который они набрасывались жадно, как и положено здоровякам после бессонной ночи. Правда, находились люди, расценивавшие такой завтрак как своего рода подкуп, но что

слишком, то слишком: стоило предложить таким людям самим подежурить без всякого завтрака, как они немедленно рассеивались, хотя и оставались при своих подозрениях.

Что ж, где голодание, там подобные подозрения неизбежны. Никто ведь не мог оставаться при голодаре денно и ночью, так что никто и не мог опытом своим поручиться, что голодание происходит по правилам и непрерывно; только сам голодарь мог о том знать, только он один, в сущности, мог быть и вполне удовлетворенным зрителем себя самого. Однако как раз он, и совсем по другой причине, вовсе не был удовлетворен; собственно, он и отощал-то – да так, что многие не выдерживали его вида и прекращали из жалости свои хождения к клетке, – только потому, что не испытывал удовлетворения. Дело в том, что только он один знал, насколько легко голодать, – этого ведь не знал даже ни один посвященный. На свете не было ничего легче. Собственно, он этого и не скрывал, да только ему никто не верил, в лучшем случае его журили за скромность, но чаще обвиняли в саморекламе или вовсе шарлатанстве: он-де нашел способ облегчить себе задачу, да еще имеет наглость в открытую хвастать. Со всем этим ему приходилось мириться, привыкая по мере лет, однако недовольство собой в нем все нарастало, и – это надо признать – не было случая, чтобы он покинул свою клетку добровольно. Предельный срок голодовки импресарио установил в сорок дней; нигде, даже в столицах, он не позволял ему голодать дольше, и на то была веская причина. В течение сорока дней, как показал опыт, еще можно было посредством постепенно накаляющейся рекламы возбуждать и поддерживать интерес горожан, а потом публика заметно охладевала и отворачивалась; конечно, между отдельными городами и странами наблюдалась некая разница, но в целом сорок дней было сроком предельным. И вот, когда через сорок дней двери украшенной гирляндами цветов клетки открывались, восторженная публика заполняла амфитеатр, играл военный духовой оркестр, двое врачей входили в клетку, чтобы освидетельствовать голодаря; результаты анализов оглашались по мегафону, затем две юные барышни, гордые оттого, что эта роль досталась им, помогали голодарю преодолеть две-три ступеньки на выходе из клетки и подвели его к небольшому столику с легкими яствами, тщательно отобранными и сервированными. Однако в этот момент голодарь всегда начинал ерепениться. Он хоть и совал покорно свои руки-мощи в участливо простертые к нему ладошки помощниц, но вставать не хотел. Почему надо все прекратить именно теперь, на сороковой день? Он мог бы выдержать еще долго, бесконечно долго; зачем же все обрывать именно теперь, когда он даже не достиг еще наилучшей стадии своего голодания? Зачем хотят лишить его славы величайшего мастера голодания всех времен, каковым он, по видимости, уже был, но ведь ему так хотелось превзойти самого себя, изведать и самые непостижимые пределы безграничности. Зачем же так нетерпелива эта толпа, которая делает вид, что восхищается им, когда у него хватает терпения продлить голодовку? К тому же он утомился, нет у него охоты вставать со своей соломы и тащиться к этой еде, одна мысль о которой вызывает у него тошноту, с трудом подавляемую ради этих прелестниц. И он поднимал глаза на этих столь приветливых с виду, но столь жестоких барышень, мотая отяжелевшей головой на слабенькой шее. Но тут случалось то, что обычно случалось. Подходил импресарио, молча – музыка все одно заглушила бы его голос – воздевал руки к небу, словно призывая Творца взглянуть на его распростертое на соломе творение, на этого достойного жалости мученика, каковым тот, хотя и в совсем другом смысле, на самом деле являлся; обхватывал голодаря за тонкую талию, делая это с преувеличенной осторожностью, чтобы все видели, какое хрупкое создание у него в руках; и передавал его – незаметно, но чувствительно встряхнув отощавшее тельце, так что оно, провиснув, начинало болтаться – двум юным дамам, уже до смерти напуганным и побледневшим. Теперь уж голодарь терпел все; голова его свисала с груди, будто свалившись с шеи и за что-то там зацепившись, тельце словно сдулось; ноги сцепились в коленях в инстинктивных судорогах и сучили по полу так, точно пол был не настоящий, а настоящий еще надо было нащупать; и всей, пусть и весьма

скудной, тяжестью своей тельце валилось на одну из дам, которая, тяжело дыша и озираясь в поисках помощи – так эту почетную миссию она себе не представляла, – поначалу еще вытягивала в сторону шеи, чтобы уберечь от соприкосновений с голодарем хотя бы лицо, но потом, поскольку это ей никак не удавалось, а ее более удачливая партнерша не приходила на помощь, довольствуясь тем, что несла в дрожащей руке своей высохшую кисть мастера, она раздражалась рыданиями под раскаты довольного смеха всего зала и уступала свое место заранее приготовленному сменщику из числа слуг. Потом была трапеза, во время которой импресарио слегка помогал впавшему в полузабытье голодарю, кормя его с ложечки и без умолку сыпля шуточками, чтобы отвлечь внимание от его состояния; затем следовал тост за дражайшую публику, который якобы нашептывал голодарь импресарио на ухо; оркестр завершал дело, врубая могучий туш, и все расходились, и никто не был вправе быть недовольным увиденным, никто, кроме него, вечно недовольного всем художника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.